

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ОРАНЖЕВЫЙ
ПОРТРЕТ С
КРАПИНКАМИ

Великий Кристалл

Владислав Крапивин

Оранжевый портрет с крапинками

«Автор»

1987

Крапивин В. П.

Оранжевый портрет с крапинками / В. П. Крапивин — «Автор»,
1987 — (Великий Кристалл)

ISBN 5-699-08253-0

«Оранжевый портрет с крапинками» – история студентки-практикантки,
подружившейся с марсианином.

ISBN 5-699-08253-0

© Крапивин В. П., 1987

© Автор, 1987

Содержание

ПОТОМОК МОРЕПЛАВАТЕЛЯ	5
НОЧНЫЕ СТРАХИ	14
КИНО ВНИЗ ГОЛОВОЙ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владислав Крапивин

Оранжевый портрет с крапинками

ПОТОМОК МОРЕПЛАВАТЕЛЯ

Ох как ругала она себя за эту фантазию – за то, что решила сойти с поезда в Каменке и добраться до Верхоталья катером. Наслушалась о красоте здешних берегов, вздумала полюбоваться!

Берега в самом деле были красивые – заросшие лесом, где перемешались ели, сосны и березы. Иногда из воды подымались отвесные ребристые скалы... Но катер оказался калошей, он еле полз против течения. Двигатель чадил, будто испорченная керосинка, на которой жарят протухшую рыбу.

Командовал катером парень чуть постарше Юли. Сперва он Юле даже понравился за свою тельняшку и за фуражку с «крабом», почти такую же, как у Юрки. Но парень оказался нахальный. Сердито выкатывал белесые глаза и орал на пассажиров, чтобы не толпились на сходнях. У чахлой деревенской пристани с фанерной вывеской «Петухи» этот капитан заявил, что "Верхотальская станция забрала воду и дальше судно не пойдет, потому что у него осадка". На катере к тому времени из пассажиров остались, кроме Юли, две бодрые бабки да подвыпивший небритый дядя с кошелкой и завернутыми в рогожу граблями. Дядя послушно выкатился на берег, а бабки заругались и проницательно высказали мнение, что не в станции и не в осадке дело, а в самом капитане, который хочет вернуться в Каменку к началу телефильма про Штирлица. А им теперь на старости лет восемь километров топать на своих двоих.

Юля тоже сказала, что это свинство.

Парень, однако, не смутился. Бабкам он сообщил, что спешить им некуда, потому что крематорий в Верхоталье еще не построен, а Юле сказал, что пускай лучше возвращается в Каменку и они вдвоем пойдут на танцы. Только пусть она во время танца нагибается получше, а то потолки в клубе низковатые. В ответ он услышал насчет сопливых паромщиков, которые воображают себя магелланами. Но делать было нечего, пришлось высаживаться.

Бодрые бабки убежали вперед и проголосовали автофургону, который пылил на проселочной дороге. Дядька с граблями куда-то исчез. Юля без попутчиков зашагала по укатанной, но не пыльной колее. Ну и ладно!

Дорога то ныряла в лес, то выбегала к самому берегу, места оказались интересные, чемоданчик был легкий, сумка на плече висела удобно, и шагалось хорошо. По сторонам краснели кисти рябины. День стоял нежаркий, хотя и солнечный. И одно было плохо – день этот клонился к вечеру, и Юля боялась, что не успеет до закрытия библиотеки.

Так и вышло. Когда она дотопала до города, расспросила, где библиотека, и выбралась к одноэтажному кирпичному дому, на старинной резной двери висел ржавый замок (наверно, тоже старинный, от купеческого лабаза). Юля потопталась на высоком гранитном крыльце, обозрела с него заречные окрестности с деревянными кварталами и лесом у горизонта, а потом через сад вышла на центральную улицу.

– Люди, где тут у вас гостиница? – спросила она двух пацанят с удочками.

Мальчишки глянули снизу вверх, пощупали глазами нашивки на ее стройотрядовской курточке, и старший толково разъяснил, что гостиница на другом конце Верхоталья.

Все выходило одно к одному, и Юля начала злиться. На судьбу и на себя. А мальчишки смотрели ей вслед, и она слышала за спиной:

– Во, жердина...

В ребячьих словах было больше восхищения, чем насмешки, однако настроение испортилось еще больше.

В двухэтажной гостинице на подоконниках цвела густая герань. Дежурная администраторша – рыхлая тетка в шлепанцах – жарила на плитке грибы. Она показалась Юле добродушной. Но в ответ на Юлины слова о жилье тетка непреклонно сказала:

– Ты что, голубушка! Тут строители нефтенасосной станции поселились, не продохнуть. По двое на одной кровати... Это сейчас тихо, а чуть позже знаешь как оно будет!

Юля устало брякнула на пол чемодан. Села на табурет. Тетка смягчилась:

– Ты, видать, на работу сюда?

– Почти, – вздохнула Юля. И, надеясь разжалобить администраторшу, подробно объяснила, что закончила второй курс культпросветучилища, в июле была со стройотрядом в Артемовском овощесовхозе, а сейчас приехала на двухмесячную практику в детскую библиотеку. Приехать-то приехала, а куда деваться?

– Ну дак заведующая ихняя, Нина Федосьевна, пушай тебя и устраивает, – рассудила администраторша. – Она женщина строгая, образованная, но справедливая. При библиотеке али у себя в квартире и поселит, дом у нее большой. На улице Пионерской, бывшей Гимназической, напротив магазина "Фрукты – овощи". Там спросишь... Грибочков хочешь?

– Хочу, – опять вздохнула Юля.

– Вот и умница. Ты давай прямо со сковороды...

После неожиданного ужина стало веселее. Юля отправилась искать дом Нины Федосьевны. Снова через весь город. Впрочем, «город» – это было одно название. Кое-где встречались двухэтажные кирпичные дома явно девятнадцатого столетия – с полукруглыми окнами на верхних этажах и чугунным узором парадных крылечек. Попадались древние купеческие лавки с современными вывесками «Промтовары» и «Керосин». На запертых дверях ржавели могучие кованые петли. А в основном дома были деревянные, с палисадниками и лавочками у калиток.

Над крышами с затейливыми дымоходами печных труб, над воротами с разошедшей резьбой, над косыми заборами и тополями возвышался, будто горный массив, полуразрушенный серовато-желтый собор. Провалы его окон темнели, как пещеры, а купола и башни были похожи на облизанные ветрами вершины.

Юля догадалась, что это храм знаменитой в прежние времена Верхотальской обители. Когда-то сюда стекались паломники из многих городов. А сейчас в монастырских кельях и трапезных работал механический завод – самое крупное здешнее предприятие. Про завод Юля тоже знала: у них в канцелярии училища стоял сейф с большим клеймом "Верхотальский МЗ".

Дом заведующей Нины Федосьевны Юля отыскала легко. У калитки копошились куры: в подорожниках и жесткой траве "пастушья сумка" вылавливали букашек. Юля побрякала железным кольцом щеколды. Вышла девица лет пятнадцати, вполне столичного вида, в новеньких джинсах и майке с ковбоем и надписью «Rodeo». Естественно, сперва воззрилась на Юлю, потом сообщила, что "тетя Нина уехала в Каменку и вернется завтра прямо на работу".

"Вот и все, – подумала Юля даже с некоторым удовольствием. – Дальше ехать некуда..."

Оставалось топтать на станцию и коротать ночь в зале ожидания. Вообще-то было не привыкать: в турпоходах и в стройотряде случалось всякое. Но, во-первых, там она была не одна. Во-вторых, здесь неудачи сыпались одна за другой. И главное, сама виновата!

Где Верхотальский вокзал, Юля понятия не имела и побрела наугад. А вернее – так, чтобы солнце светило не в глаза, а в спину. Через квартал она увидела зеленый домик с вывеской «Почта». Как ни странно, почта еще работала.

"Не заходи, – сердито сказала себе Юля. Окажется, что письма нет, и тогда будет совсем скверно". И конечно, пошла. И дала пожилой симпатичной женщине за стеклянной загородкой студенческий билет. Женщина полистала тощую пачку писем и сказала слегка виновато:

– Ничего пока нет. Заходите еще... – И улыбнулась.

Эта улыбка Юлю не утешила. Теперь и в самом деле все было так, что хуже некуда. К тому же снова захотелось есть. С самыми досадливыми мыслями Юля снова побрела по улице Пионерской, бывшей Гимназической. Но к досаде и унынию чуть-чуть, крадучись, уже примешивалось любопытство. По некоторому опыту жизни Юля знала, что жизнь эта изменчива. И если все абсолютно плохо, измениться может только к лучшему.

Через тополиный сквер Юля снова вышла на речной обрыв – недалеко от знакомой библиотеки и обшарпанной, но все равно красивой церкви. Легкая шатровая колокольня была похожа на ракету. Она возносилась над куполами, над деревьями, и под кружевным покосившимся крестом, на круглой, как мячик, маковке, горел в остатках позолоты солнечный огонек.

Щурясь на этот огонек, Юля пошла вдоль остатков кирпичной стены с бойницами. Стена упиралась в полуразрушенную башню с островерхой крышей и флюгером. На флюгере светились сквозные цифры: 1711. Фундамент башни был сложен из неотесанных гранитных глыб. Из щелей росли березки.

Юля по тропинке обошла башню и увидела, что из фундамента в метре от земли торчит короткая деревянная балка.

Верхом на балке сидел растрепанный мальчишка.

Он смотрел куда-то через реку, посвистывал и качал ногами в незашнурованных кедах и пыльных сбившихся гольфах морковного цвета. На нем была майка с короткими рукавами – тоже неопределенно-морковная – и шорты кирпичного оттенка с оттопыренными карманами и в темных пятнах какой-то смазки. И весь мальчишка, облитый вечерними лучами, казался нарисованным оранжевыми и красными мазками. Даже загар был розоватый. Впрочем, слабенький был загар, это и понятно: к рыжим солнце прилипает неохотно. А мальчишка, безусловно, относился к племени рыжих. Но он был не просто рыж – в его нестриженных космах смешались оттенки апельсинов, томатного сока, терракоты и угасающих закатных облаков... Мальчишка услышал шаги и обернулся.

И Юля заулыбалась.

Было невозможно не заулыбаться, увидев мальчишкино лицо. Он смотрел, как смотрит с детских книжек сказочное солнышко. Весело сощурился и растянул до ушей потрескавшиеся губы. Маленький нос и щеки словно маковым зерном усыпали мелкие, почти черные веснушки. Причем одну щеку гуще, чем другую. На подбородке тоже сидело несколько веснушек, покрупнее.

– Привет, – сказала Юля.

Он мельком, без особого любопытства, оглядел ее и сказал:

– Ага... здрасте. – И заулыбался еще шире. У него были крупные желтоватые зубы, и один рос криво, но это ничуть не портило улыбку.

Секунды три они выжидательно смотрели друг на друга. Мальчик пригасил улыбку, перекинул ногу и соскочил в лопухи. Деловито спросил:

– Ну что, пойдём?

Следовало, конечно, узнать, куда «пойдем». Но мальчик вел себя так; будто они про все договорились. Юле стало интересно. Кроме того, "все к лучшему". И она кивнула.

Он зашагал впереди, по тропке среди репейников. Лопухи сердито чиркали по его ногам, а репы хватали за майку, и он отрывал их на ходу. Несколько раз оглянулся: не отстает ли спутница?

В стене открылся круглый пролом.

– Сюда, – сказал мальчик. – Давайте чемодан.

– Ничего, я сама... – Юля пролезла вслед за проводником. С внутренней стороны стену украшали глубокие полукруглые ниши. Как в больших крепостях.

– Что здесь было? – спросила Юля. – Монастырь или кремль?

– Воеводство, – охотно откликнулся мальчик. – При Петре Первом. Вон в тех длинных домах солдаты жили, а там, где библиотека, офицеры... Такие, в треугольных шляпах, со шпагами... – Он опять весело оглянулся. – Интересно, да?

– Еще бы, – сказала Юля.

– А воеводский дом не сохранился, сгорел. Он недалеко от церкви стоял, вон там... Юлин проводник мотнул красными вихрами в сторону колокольни, потом остановился, задрал голову. – Красивая, да?

Они стояли уже рядом с церковью, и она нависала над головами. Настоящая русская сказка раскинулась в вечернем небе с позолоченным облаком: узорчатые кирпичные башни с куполами в виде громадных луковиц, маковки, узкие проемы окон, карнизы и витые столбики, как в древних теремах. И над всем этим ракетное тело колокольни, строго нацеленной в зенит.

– Ее все время художники рисуют, из разных городов приезжают, – сказал мальчик. – Она называется Покровская. Знаете, почему? Бабки говорят, что праздник Покров раньше был, когда первый снег выпадал. А вы не художница?

– Нет, – откликнулась Юля. – Правда, немножко пробовала рисовать, для себя...

– Это хорошо, – негромко заметил мальчик и быстро спросил: – Ну, полезем?

– Куда?

Он слегка удивился и кивнул на колокольню.

У Юли чуть заглодело под сердцем.

– А... нам не влетит?

Рыжий проводник снисходительно сказал:

– Туда все лазят, кто хочет. От кого влетит-то?

Над крутым церковным крыльцом блестела черным стеклом вывеска, на которой значилось, что здесь находится Верхотальский городской архив. Замок на двери (такой же большущий, как на библиотеке) убедительно доказывал, что в архиве никого нет. И кругом никого не было, только воробьи шуршали в темных кленах.

Мальчик решительно взял Юлин чемоданчик и сунул под гранитные ступени крыльца.

– Там никто не найдет, не бойтесь... Ну, пошли.

– Ох... пошли, – сказала Юля. И подумала, что ночевать не на вокзале, а в милиции – это еще хуже. Но признаться в таких страхах постеснялась. Да и любопытно было забраться на колокольню. И обижать мальчишку не хотелось, новый знакомый ей нравился. К тому же остаться опять одной – чего хорошего?

Они обошли церковь, и за березовыми кустиками, в кирпичной кладке алтарного закругления, Юля увидела узкий вход без двери – просто щель с полукруглым верхом. На миг Юле стало жутковато. Даже шевельнулось глупое подозрение: нет ли здесь какой-нибудь ловушки? Но мальчишка смотрел ясно и доверчиво. Раздвинул ветки:

– Вы идите вперед, только осторожно. Там винтовая лестница, ступеньки крутые. Если что, я вас сзади подхватю.

Она глянула на него – маленького, тонкоплечего.

– Если случится «что», я тебя, пожалуй, раздавлю...

– Не, я жилистый.

Юля оказалась как бы в круглом колодце. Каменные стертые ступени уходили вверх туго закрученной спиралью. С высоты сочился неясный свет. Юля стала подниматься, то и дело хватаясь за верхние ступени, – почти на четвереньках. Мальчик неотрывно лез за ней. Дышал он с шумным сопеньем. "Наверно, простужен", – подумала Юля.

Висевшая через плечо сумка цеплялась за камни. Юля пожалела, что не оставила ее внизу. И тут же мальчик сказал:

– Вам сумка мешает. Давайте ее мне, здесь углубление, вроде полочки. Оставим, а обратно пойдем и заберем.

Юля с облегчением сбросила с плеча ремень.

Ох и высоченная была лестница! Гудели ноги, от бесконечного спирального верчения кружилась голова. Наконец в полукруглый проем ударили оранжевые лучи, и Юля выкарабкалась в круглую каморку. Мальчик – за ней. Он сопел и улыбался.

– Устали? Это почти полпути...

– Ничего я не устала, – с фальшивой бодростью сказала Юля.

Мальчик понимающе кивнул и полез в окно.

– Выбирайтесь сюда. Только потихоньку, тут карниз узкий. Вниз лучше не глядите...

Юля все-таки глянула вниз, когда из окна ступила на покрытую железом кромку. И тут же отвернулась (она и в походах, на скалах и обрывах, побаивалась высоты). Старые клены шелестели внизу. Видимо, здесь был край церковной крыши. Юля вцепилась в кирпичи. А мальчишка стоял в двух шагах, у темной кирпичной арки, протягивал руку и улыбался. И Юля вдруг заметила, что глаза у него разные: правый – просто серый, а левый – серовато-карий, с золотыми прожилками. В этом золотистом глазу на краю большого зрачка стреляла крошечными лучами искорка.

"Чертенюк", – усмехнулась Юля. Сжала губы, шагнула по кромке и тоже оказалась в арке.

Теперь они поднимались уже внутри колокольни.

С этажа на этаж вели шаткие лестничные марши. Пересохшие доски ступеней пощелкивали под ногами, от них взлетала тонкая пыль. Запах этой пыли смешивался с запахом старых кирпичей. Колокольня была восьмигранная. На трех ярусах в каждой из восьми стен зиял громадный оконный проем с полукруглым верхом и перекладиной (на этих перекладинах, видимо, висели когда-то колокола). За пустыми проемами вырастал и словно подымался следом за Юлей темный лесной горизонт. Было жутковато и легко, как во сне. И только одно мешало впечатлению хорошего приключенческого сна: там и тут на кирпичах виднелись надписи. Всякие «Толи», «Васи», «Степы», и «Мы здесь были...», и названия городов. Юля заметила даже Читу и Владивосток.

– Ничего себе... – выдохнула она. – В какую даль едут, чтобы расписаться на здешних камнях.

– Идиоты, – отозвался мальчик (он по-прежнему карабкался следом за Юлей). – Думают, что, если распишутся на знаменитом месте, сами сделаются знаменитые...

– Значит, эта церковь очень знаменитая? – осторожно поинтересовалась Юля.

– Вы разве не знали? Она даже под охраной ЮНЕСКО.

Юля мельком удивилась, что этот пацан знает про ЮНЕСКО, и неуверенно сказала:

– Кажется, я слышала... А если она такая известная, то чего же такая... обшарпанная?

– Ее хотели реставрировать, – посапывая, ответил мальчик и хихикнул. – Каких-то дядек наняли кресты и маковки золотить, золото им выдали. А они его – себе. А маковки бронзовой краской помазали. Ну, их посадили, конечно, а здесь все так и осталось... Вот, все. Пришли.

Они оказались на верхней площадке. Над головами уходил в сумрачную высоту конус шатровой крыши. В нем темнели переплетения балок и железных брусьев. Юля только мельком глянула вверх и сразу шагнула к окну.

За высокими арками окон распахнулся золотисто-зеленый вечерний мир. Облака лежали над землей, как плавучие острова в прозрачной воде над морским дном. Невысокое, но яркое еще солнце висело над кромкой леса. Городок раскинулся внизу кучками затерянных среди деревьев крыш. Даже монастырский храм казался отсюда не очень большим. За домами одиноко дымила черная труба – наверно, это была электростанция, которая "забрала воду". Но воды еще хватало. Талья в своих верховьях была довольно широка. От края до края земли

она легла, как розовато-ребристая просторная дорога. Лишь кое-где чернели на воде коварные пятнышки: там торчали со дна валуны, выдавая мелководье.

Земля была удивительно большая, но уютная и ласковая. Над городком, над рекой, над лесами лежало спокойное молчание. И Юля, переходя от арки к арке, забыла про усталость и огорчения. Она будто растворилась в этом покое.

– Любуетесь? – сказал позади нее мальчишка. – Хорошо, да?

– Угу... – медленно ответила Юля и оглянулась.

Мальчик стоял к ней спиной в светлом проеме, прямо против солнца. Расставил ноги и ладонями уперся в боковые края арки. Он казался вырезанным из черной бумаги, только в волосах вспыхивали огоньки да круглые оттопыренные уши просвечивали, как лепестки шиповника. Юля усмехнулась этим ушам, но тут же опасливо сказала:

– Смотри не слети вниз.

– Не, я здесь привык... – Он крутнулся на пятке и прыгнул к Юле. – Я сюда сто раз лазил. А вам здесь нравится?

– Еще бы!.. И не говори мне, пожалуйста, «вы». Я еще не такая уж... пожилая.

Он по-птичьи наклонил к плечу голову и глянул снизу вверх.

– А вам... тебе сколько?

– Девятнадцать.

– У-у... – сказал он вроде бы с уважением, а в золотистом глазу опять метнулась искорка. – А мне одиннадцать. Через месяц будет, в сентябре.

– Ясно. Меня зовут Юля...

– А меня... – Мальчик перекинул голову на другое плечо. – У меня имя старинное. Даже не угадаете... не угадаешь какое.

– И не буду, – улыбнулась Юля. – Говори уж сам.

Он выпрямил голову, подтянул съехавшие шорты и веско произнес:

– Меня зовут Фаддей.

– Ух ты! – сказала Юля.

– Это не просто так. Это в честь одного знаменитого предка. Угадай какого?

Юля наморщила лоб и поморгала. Никто, кроме Фаддея Булгарина, жандармского агента и недруга Пушкина, в голову не приходил.

Маленький Фаддей опять брызнул искоркой левого глаза:

– Антарктиду кто открыл?

– Антарктиду? Сейчас... ага! Беллинсгаузен и Лазарев!

– Вот! А Беллинсгаузена как звали?

– М-м...

– Фаддей Фаддеевич, – со скромным торжеством сказал мальчишка. – У меня про него книга есть и там портрет. Он даже похож на меня немножко, и волосы такие же... Ну, там не цветной портрет, но я же все равно знаю.

– И что же, он правда твой родственник? – со смесью недоверия и уважения поинтересовалась Юля.

– Ну да, – небрежно откликнулся Фаддей. – Он мамин какой-то пра-пра-пра... двоюродный дедушка.

– Разве Беллинсгаузен из этих мест?

– Так и я не из этих! Я сюда просто каждое лето приезжаю, к тете Кире!

Юля удивилась. Она была уверена, что мальчишка – местный житель. Он так подходил к здешним улицам и заросшим берегам.

– А откуда ты?

– Из Среднекамска, – сказал он и почему-то вздохнул.

Юля понимала, что и Среднекамск – едва ли родина знаменитого мореплавателя. Но все равно обрадовалась:

– Мы почти земляки! У меня там дядя живет, мамин брат. Он мастер цеха на авторемонтном заводе.

– Я даже не знаю, где там такой завод, – опять вздохнул Фаддей. – Город-то большущий, заводищев всяких полным-полно... И школ почти двести... А здесь всего три... – Он вдруг поднял веснушчатое лицо и сказал совсем о другом: – Ты вон до той балки дотянешься?

Невысоко над головой проходил ржавый брус. Толщиной с хорошее полено. Юля встала на цыпочки и кончиками пальцев тронула холодное железо.

– А я ни разу допрыгнуть не смог, – печально признался Фаддей. – Подсади меня, пожалуйста.

Юля усмехнулась и подхватила мальчишку за бока, ощутив сквозь майку птичьи ребрышки. Потомок адмирала был легонький, и она шутя вскинула его над головой. Фаддей вцепился в брус и повис, покачивая ногами. Морковные гольфы сбились в гармошку, а один кед шлепнулся на пол.

– Здесь висел главный колокол, – сообщил из-под балки Фаддей. – Думаешь, зачем висел? Чтобы в праздники звонить? Вовсе даже нет, это тревожный колокол был. Здесь часовые дежурили. Если враги подкрадутся, они сразу – бамм! – Он качнулся сильнее и повторил громким голосом: – Бамм, бамм!

На нем горели рыжие солнечные пятна.

Юля снова оглядела горизонт. Солнце уже почти касалось леса.

– Надо спускаться, – нехотя проговорила Юля.

– Подожди, – отозвался Фаддей. – Я колокол. Бамм!

Юля засмеялась и дернула его за ногу:

– Ну, колокол-бубенчик, пора...

Он прыгнул на пол и заскакал на одной ноге, натягивая кед.

– Фаддей... – сказала Юля. – Тебя так и звать «Фаддей» или можно поуменильнее?

– Можно Фаддейка... – Он стрельнул исподлюбя золотой искоркой. – Я же еще не Беллинсгаузен.

"Фаддейка – это хорошо! – подумала Юля. – Это в самый раз. Фаддейка он и больше никто".

– А ты можешь ответить на один вопрос, Фаддейка?

Он весело распрямился:

– Хоть на тыщу.

– На один... Это здорово, что ты меня сюда привел. Но почему? Ни с того ни с сего, незнакомого человека...

– А... разве... – Он как-то старательно заморгал. – Ой-ей-ей... Разве вас не тетя Кира послала?

Юля молчала.

– Ой-ей-ей... – Фаддейка запустил пятерню в свои космы. – Она сказала: посиди на берегу у башни, придет одна тетенька... то есть молодая женщина, приезжая. Я, говорит, обещала, что ты ее на колокольню сводишь. Она, говорит, стариной интересуется...

Юлю кольнула ревнивая досада: не ее, значит, ждал Фаддейка. Но сразу она встревожилась:

– А где же та женщина? А тебе не влетит теперь?

– Ой, влетит, – охотно откликнулся Фаддейка. И решительно взял Юлю за рукав: – Пошли!

– Куда?

– К тете Кире. Ну, к нам домой. Скажешь, что я не виноват. А то мне знаешь как... Пошли!

– Но я же... Я не знаю... А это куда? Далеко?

– Не далеко. Средне. Вон там, за рекой, видишь красную крышу с двумя антеннами? Вот за тем домом еще квартал. Идем. Ну... Юля...

Не пойти – было бы все равно, что оставить Фаддейку в беде. Да и... не все ли равно, куда идти, если идти некуда?

– А это по пути на вокзал?

Фаддейка сразу как-то потускнел.

– Зачем тебе на вокзал? Ты разве уезжаешь?

– Наоборот, приехала. А на вокзале буду ночевать, больше нигде.

– Ночевать – это ночью. А пока еще не ночь, – рассудил Фаддейка. – Пошли!

Внизу солнца уже не было видно, а закат светился ровный и широкий. И река от него светила. Юля и Фаддейка прошли над плавной водой по зыбкому мосту. Он был подвесной, на тросах, и дощатый настил качался между быками-ледорезами.

Фаддейка шагал сбоку от Юли и поглядывал чуть виновато. Посапывал. Потом спросил:

– Не боишься? На этом мосту многие боятся с непривычки.

– У меня, между прочим, первый разряд по туризму... А ты сам то не боишься?

– Вот еще!

– Ну да! Правнуку знаменитого моряка не полагается...

Он, кажется, слегка надулся. Заподозрил насмешку, что ли?

Юля примирительно сказала:

– А у меня один знакомый моряк есть. Курсант. Он сейчас на парусном корабле плавает, почти как Беллинсгаузен. У них практика.

– Ух ты! А он на чем? На «Товарище» или на "Седове"?

– На «Крузенштерне»... Не скажи, свалишься.

– Не свалюсь. Хочешь, понесу твой чемодан?

– Да уж сама дотащу...

– А ты мне потом про него расскажешь?

– Про чемодан?

– Про моряка!

– Когда "потом"? – грустно спросила Юля и подумала про вокзал.

– Ну... после разговора с тетей Кирой.

– Ох, Фаддейка, я ее боюсь. И тебе попадет, и мне...

– Что ты! Она посторонних не воспитывает... Ты ей сперва ничего не говори, может, той женщины и не было. Тогда все обойдется.

– А что я скажу? Зачем пришла?

– Поглядим, – деловито успокоил он. – По обстоятельствам.

Дом тети Кире был старый. Старинный даже. С жестяными флюгерами на башенках покосившихся ворот, с черным от древности страховым знаком и с разохшимся кружевом наличников.

Фаддейка бодро толкнул тяжелую калитку. В заросшем дворе красновато темнели громадные гроздья рябины и светились несколько березовых стволов. Было пусто. Фаддейка кивнул на скамейку у крыльца:

– Ты посиди минутку, я сейчас. – Поддержнул гольфы, заправил майку и нырнул в дом.

Юля поставила на лавку чемодан. С высокой березы упал на него желтый листок. Август...

Прошла минута. Оглядываясь, возник на крыльце Фаддейка. За ним – тетя Кира. Она оказалась очень пожилая, сухощавая, с седым валиком волос.

– Здравсте, – совсем по-школьному, поспешно сказала Юля. Тетя Кира показалась ей похожей на старую учительницу.

– Добрый вечер, – улыбнулась тетя Кира и легко шугнула Фаддейку со ступенек. – Это вас он, значит, привел? Я, говорит, квартирантку тебе отыскал... Я уж и не знаю. В пристройке у меня жили в июне двое отдыхающих, молодожены, но тогда тепло было, а сейчас-то осень на носу. Продрогнете там ночью...

– Она закаленная, – подал голос Фаддейка. – У нее первый разряд по туризму.

– Брысь ты, нечистая сила, – засмеялась тетя Кира. И Юля засмеялась: так все хорошо складывалось.

– Я правда закаленная. В одеяло завернусь – и хоть в открытом поле...

– Ну, смотрите, если понравится... Вы, наверно, на практику в школу приехали?

– В библиотеку. В детскую...

– К Нине Федосьевне, значит! Вот она обрадуется! А то все одна да одна... А если холодно будет в пристройке, там печурка есть на крайний случай. Завтра дрова привезут...

И Юля почувствовала, что она любит затерянный в северных лесах городок Верхоталье.

Вот только пришло бы сюда письмо.

НОЧНЫЕ СТРАХИ

Как это чудесно – вытянуться среди прохладных простыней, чтобы усталость сладко разбежалась по жилкам, и лежать с ощущением полного уюта и с мыслями о счастливом окончании неудачного дня.

Стоячая лампа с белым фаянсовым абажуром неярко и ровно светила на желтоватые доски стен и потолка, на большой табель-календарь за прошлый год, на ошкуренные чурбаки (они были вместо табуреток) и застеленный зеленой полинялой клеенкой стол. На столе празднично сияла алая с белыми горошинами кружка. Будто сказочный мухомор на лужайке. Юля безотчетно радовалась этому яркому пятнышку – оно украшало комнату и придавало ей обжитой вид. Юля вздрогнула от неласковой мысли, что сейчас могла бы ютиться на вокзальной лавке.

...Тетя Кира (то есть Кира Сергеевна) принесла матрац, положила его на широкий топчан и сама постелила для Юли простыни.

– На сегодня так. А если покажется жестко, завтра достанем из кладовки кровать, у нее сетка панцирная.

– Не будет жестко, – заверила Юля, оглядываясь. Пристройка была небольшая, вроде верандочки – с окном во всю стену. По стеклам скребла тяжелыми кистями рябина. В углу белела кирпичная печка.

Кира Сергеевна рассказала, что пристройку ставил ее муж, хотел оборудовать здесь мастерскую, да вот... Говорят, от первого инфаркта не умирают, а он сразу. Три года уж прошло... Директором восьмилетки был. А она до пенсии работала смотрителем здешнего музея. Сын в армии после института, на Дальнем Востоке, младшая дочь в Челябинске учится, а старшая недавно замуж вышла, живет неподалеку, в Ново-Северке, да все же не рядом, не под одной крышей.

– Вот и осталась одна в "родовом поместье". Дом-то еще дед строил... Так и живу. То сама по себе, то вдвоем с племянником. Он второй год уже подряд на каждые каникулы приезжает. Заботы с ним, конечно, всякие, да все равно веселее.

– Он славный у вас. Добрый такой, – сказала Юля.

– Добрый-то добрый, а всякое бывает. Когда парень без отца растет, воспитанье какое-то случайное получается. Дерганое...

Юля вежливо помолчала. Потом неловко спросила насчет платы за квартиру. Кира Сергеевна отмахнулась:

– Да сколько не жалко. Какая здесь квартира-то...

– Но все-таки.

– В гостинице пятьдесят копеек в день за место берут, давайте и вы так.

– Ой... Даже слишком как-то дешево.

Кира Сергеевна засмеялась:

– А у нас ведь не Сочи и не Крым. Да и вы не на отдыхе. А стипендия-то, наверно, так себе...

– Я в стройотряде работала.

– Давайте так, Юля. Если будете с нами завтракать и ужинать, тогда – рубль. А обедать вам лучше в столовой «Радуга», она рядом с библиотекой.

На том и договорились.

– Только еда у нас не ресторанная, – предупредила Кира Сергеевна. – Не обидитесь?

– Да что вы!

– Я себе по-простому готовлю. А Фаддейка, душа окаянная, вообще ничего не ест, мученье одно. Кожа да кости, избегался. Мать приедет, опять недовольна будет – невымытый да тощий. А что я сделаю? Вот объявится – пускай сама чистит, причесывает и откармливает.

– А что, он один у матери? – деликатно поинтересовалась Юля.

– Один, слава богу. Куда еще-то при ее жизни? Только и мотается то по стране, то по заграницам. Как это фирма-то у них называется? «Станкоэкспорт» или что-то похожее...

Юля распаковывала чемодан, вешала одежду на спинку единственного стула, а Кира Сергеевна негромко и ненавязчиво рассказывала:

– Я ей говорю: "Сколько можно так жить, не девочка уже, четвертый десяток идет". А она: "Это ритм времени, Кирочка, мы с тобой в разные эпохи живем"... Может, и правда? Я ее на двадцать семь лет старше, нас шестеро было в семье, она младшая. Вот и попала под эти ритмы... Мы с мужем почти три десятка без всяких современных ритмов прожили, а она вот... Ох и заболтала я вас, Юля. Смотрите, вон вешалка у двери. А уют Фаддейка принесет. Вы только не церемоньтесь с ним, с племянничком моим, он такой прилипчивый. Если будет надоедать, шуганите его...

Фаддейка не стал надоедать. Притащил уют, шепнул, что «все обошлось», и умчался. Не было его и за ужином.

– Свишет где-то, – вздохнула Кира Сергеевна. – Небось опять с мальчишками костер жгут в овраге, картошку пекут...

...Юля нажала кнопку лампы. Упала темнота, и в ней синевато засветилось окно: полная ночь на дворе еще не наступила. В сумерках прорезались черные листья рябины, смутно забелел березовый ствол. В широком просвете стала видна верхушка ели – острая, будто шатер колокольни.

Вспомнив про колокольню, Юля подумала и о Фаддейке: где его носит нелегкая на ночь глядя? Видать, вольная птичка...

И словно в ответ она услышала негромкий выдох:

– Ю-ля-а...

Это было чуть погромче шелеста рябины. И там же, за окном. Юля опять включила свет. В неярких лучах за стеклом, как на глянцевой фотобумаге, проявился знакомый веснушчатый портрет с расплюснутым носом.

– Ты что, Фаддейка? – громко сказала Юля.

Он отодвинул оконную створку. Спросил шумным шепотом:

– Можно к тебе?

– Можно. А почему не через дверь?

– С той стороны тети Кирино окно... – Он ловко сел верхом на подоконник одна нога снаружи, другая в комнате. – Ты не испугалась?

– Чего?

– Ну... женщины часто пугаются, если под окном мужчины...

Юля развеселилась:

– Иди сюда, мужчина. Ты зачем пришел? Просто так поболтать или по делу?

– По делу... – Он скакнул с подоконника, сел на чурбак посреди комнаты, положил на коленки ладони. Повертел головой, будто первый раз видел эти стены. Посопел.

– Ну, а что за дело-то? – напомнила Юля. И опять улыбнулась из-за кромки одеяла. – Может, еще на какую-нибудь башню поведешь?

– Нет... – Он старательно вздохнул, потерся оттопыренным ухом о плечо и сообщил, глядя в потолок: – Я признаться пришел. Что наврал.

– Да?.. А что ты наврал?

– Про ту женщину. Про тети Кирину знакомую. Я ее придумал...

– Да? – опять сказала Юля. И замолчала, размышляя, как отнестись к такому признанию. Интересно, что она почти не удивилась. – Ну, придумал так придумал. А зачем все это? А, Фаддейка?

– Непонятно разве? – Он взглянул на Юлю прямо и чуть насупленно. – Захотел познакомиться с тобой, вот и все.

– Это я понимаю. А *зачем*?

– Ну вот... – Фаддейка забавно развел руками. – Зачем! Потому что я такой уродился. Потому что мне всегда интересно про нового человека: что в нем хорошего?

– И ты решил, что во мне что-то хорошее?

– Решил. Ты же полезла на колокольню!

– Ну... да, это доказательство. А откуда ты узнал, что я здесь новенькая?

– Сразу же видно! Идешь, на все смотришь, как первый раз. И чемодан. И сумок таких, как у тебя, здесь ни у кого нет... Ой...

– Ой, – сказала и Юля.

– А где сумка? – шепотом сказал Фаддейка и замигал желтыми коротенькими ресницами.

– Вот именно, где?

– Там осталась?

– Конечно! Ты же не достал из ниши.

– А ты не вспомнила.

А Юля не вспомнила. Ей хватало и чемодана. Ослепительно желтую сумку с черным старинным самолетом на боку и надписью «AIRLINE» она купила перед самым отъездом в Верхоталье и не успела к ней привыкнуть.

– У тебя в ней что было? – подавленно спросил Фаддейка.

– Практикантский дневник и направление. И всякое...

Было еще старое Юркино письмо с фотографией. И тетрадка с отрывочными дневниковыми записями, которые она делала в стройотряде...

– Пошел я, – вздохнул Фаддейка и встал.

– Куда?

– Как куда? За сумкой.

– Подожди! – испугалась Юля. Она представила, как Фаддейка лезет там по лестнице в крошечной темноте, в глухоте.

– Утром сбегаешь и заберешь, – нерешительно сказала она.

– Ага, «утром»! А если на рассвете туристы туда потащатся? У них теперь такая мода появилась: рассвет на верхотуре встречать.

– Думаешь, сопрут?

– А думаешь, оставят? Я пошел.

– Там же темнотища сейчас и страх...

– Фонарик возьму.

– Я с тобой, – тоскливо и решительно сказала Юля, ощущая, как замечательно в постели и как жутко не хочется *туда*. Ох, рано она порадовалась, что кончились неудачи...

А Фаддейка... хоть бы сказал: не надо, не ходи! Нет, он сказал другое:

– Выбирайся через окно. Я подожду у калитки.

Быстро темнело. Река еще отражала остатки заката, а крутой дальний берег чернел непроницаемо. За кромкой обрыва не видно было огоньков, смутной тучей клубился старый прибрежный сад. Колокольня была еле различима.

Юля мысленно простонала, когда представила, сколько опять шагать: через мост, потом по высоченной лестнице, затем по темному саду... Фаддейка бодро топал рядом и мигал фонариком. Юля печально сказала:

- Вот узнает Кира Сергеевна про наши похождения, будет нам...
- А как она узнает? Тебя она не караулит, а про меня привыкла, что поздно бегаю.
- С тобой не соскучишься, – вздохнула Юля.
- Ага.

Перешли мост (он был бесконечный, и под ним журчала и хлюпала вода). Совсем стемнело. Ступеней лестницы было не разглядеть. А они – кривые и старые, ноги поломаешь.

- Посвети, – попросила Юля.
- Фаддейка опять мигнул фонариком и сказал:
- Я батарейку берегу, она старая.
- А на мосту включал да включал, когда не надо...
- Я проверял... Держись за меня.

Кончилась и лестница с бесконечным поскрипыванием ступенек и хлябаньем брусчатых перил. Черный густой сад надвинулся на Юлю и Фаддейку, окружил мохнатой темнотой, запахом увядающих листьев.

– Держись за меня, – опять сказал Фаддейка и сам взял Юлю за руку. Рыжий свет фонарика метнулся по высоким сорнякам и беспомощно в них запутался. Фаддейка бесстрашно устремился в чащу, и Юля тянулась, как на буксире. Жесткие стебли скребли по джинсовым штанинам. Было жутковато, но как-то не по-настоящему. Будто во сне.

За рукав зацепилось какое-то острие, вроде наконечника пики. Юля повела рукой и нащупала частую решетку.

- Постой. Здесь что-то непонятное...
- Все понятное, – шепотом сказал Фаддейка. – Могилки старые, тут раньше кладбище было...
- Ты нарочно меня здесь потащил? – слабым голосом спросила Юля. Ей хотелось тихонько завывать с перепугу.

- Конечно. Здесь короткая дорога... Ты не боишься?
- Тогда она рассердилась. На себя и на этого обормота:
- Я за тебя боюсь, дурень. Обдерешься или глаз выколешь...
- Не-е... Пришли уже.

Они уперлись в решетчатую загородку церковного двора. Многих прутьев не было, везде лазейки. Когда пробрались, Юля, опасливо озираясь, прошептала:

- А ночного сторожа здесь нет?
- Фаддейка хихикнул:
- Только привидения. Бывший воевода и его солдаты.
- Да ну тебя...

- Подошли к черному входу на колокольню, и Фаддейка строго сказал:
- Стой здесь. Я сейчас...

Юля не успела заспорить, он ускользнул в черноту, там желтой бабочкой пометался и пропал свет фонарика. "Полезу следом", отчаянно решила Юля. Но не успела. Фаддейка выкатился назад, невредимый и веселый.

- Вот твоя сумка.
- Ой... вот хорошо. Спасибо, Фаддейка.
- За что? – хмыкнул он. И спросил: – Пошли обратно?
- Только не через могилки, ладно?
- Сейчас можно по берегу.

От церкви на обрыв их привела невидимая в траве, но осязаемая своей твердостью дорожка (видимо, мощенная кирпичом). Ночь совсем почернела, даже на западе исчез белесоватый полусвет. Река была почти неразличима. На том берегу уютно горели окошки. Но ярче

этих огоньков сияли белые большие звезды, а между ними светилась звездная пыль. Кроме белых звезд были переливчато-голубые и желтые.

Фаддейка показал на одну, голубоватую:

– Вот это Юпитер. В хороший бинокль у него спутники видно. Мне наш сосед, студент Вася, бинокль давал... А Марса сейчас не видеть... – Он помолчал и добавил другим голосом, снисходительным: – А ты ничего, не боязливая.

– Ты тоже ничего...

Фаддейка посопел и вдруг признался:

– Нет, я часто боюсь. Только я себя... ну... перегибаю. Я первый раз на колокольню знаешь как боялся лезть! Прямо все внутри дрожало. А я потом еще раз, еще...

– Когда страх пересиливаешь, это и есть смелость, – сказала Юля.

– Наверно... – шепотом ответил Фаддейка.

Они вышли на верхнюю площадку лестницы, и Юля остановилась. "Какой длинный день получился", – подумала она.

Хорошо было под звездами. Только слишком прохладно. Юле показалось, что Фаддейка вздрогнул.

– Зябнешь, – обеспокоилась она. – Куртку дать?

– Нет, нисколько не холодно... А знаешь, почему я стараюсь страх перегибать? Потому что от него всякие предательства бывают.

– Это верно, – вздохнула Юля.

– А когда человек изменником делается, это хуже всего в жизни, – тихо сказал Фаддейка. – Я этого больше всего на свете боюсь.

В печальном его полушепоте ощутилась вдруг такая тревога, что Юля поежилась и ладонями сжала Фаддейкины плечи – тонкие и теплые.

– Да ты что! Чего ты боишься? Никогда с тобой такого не случится...

– А если вдруг нечаянно... – еще тише сказал он.

– Разве это бывает нечаянно?

Фаддейка шевельнул плечами под Юлиными ладонями. Сумрачно шмыгнул носом и прошептал:

– Иногда такой дурацкий сон снится, будто я кого-то предал случайно и тут уж ничего нельзя сделать, хоть убейся. Если даже убьешься, это ведь все равно не исправишь...

– Какие-то у тебя сны неудобные... – опять поежилась Юля.

– Ну нет, мне и хорошие снятся. Но такой – тоже... – Фаддейка ускользнул из-под Юлиных рук и спросил уже другим голосом, побойчее: – А если у тебя два друга и так получается: если спасти одного – значит, изменить другому? Как тут быть?

– Ну... по-моему, так не бывает.

– Это вообще-то не бывает, но вдруг один раз случится?

– Тогда... я даже не знаю.

Фаддейка молчал с полминуты. Потом решительно сказал:

– А чего тут не знать? Надо помогать тому, у кого беда сильнее.

– Да... наверно. А с чего у тебя, Фаддейка, такие мысли? Грустные какие-то.

– У меня всякие мысли. Потому что думаются. А с чего трудно сказать. – Он по-взрослому усмехнулся. – Люди про все на свете спрашивают: с чего да почему. И хотят, чтобы одна простая причина была. А причин всегда целая куча, и они перепутываются.

– Это верно... Пойдем домой, Фаддейка.

Он вдруг взял ее за руку – быстро и привычно, как братишка.

– Пойдем, Юля.

КИНО ВНИЗ ГОЛОВОЙ

Утром Фаддейка стукнул в окно и позвал Юлю завтракать.

В кухне стояла на столе вареная свежая картошка с тонкими кожурками, лук, помидоры и молоко. Кира Сергеевна сказала, чтобы Юля садилась, не церемонилась, а Фаддейку спросила:

– Руки-то вымыл?

– И лицо! Честное слово! Даже чуть веснушки не соскоблил.

– Чучело, – вздохнула Кира Сергеевна. – Юленька, он вам вечером не надоел? Это такой болтун и липучка...

Фаддейка незаметно мигнул Юле: не проболтайся о ночных похождениях. Юля тоже подмигнула и сказала, что нисколько не надоел, поговорили про то, про се, самую чуточку.

Фаддейка, кусая картофелину, вдруг высказался:

– Когда пойдешь на практику, надень какое-нибудь платье. А то Нина Федосьевна скажет: "Ах-ах, работница библиотеки в штанах!" У здешних женщин не современные взгляды.

– Фаддей! – сказала Кира Сергеевна и со стуком положила вилку.

Но Юля понимала, что Фаддейка прав.

Самой ей казалось, что стройотрядовское обмундирование для ее внешности в самый раз, а в "девичьем наряде" она похожа на украшенную бантиками оглоблю. Но библиотека не строительство коровника и не турбаза. Юля надела босоножки и серое платье – мамин подарок: в этом платье все-таки похожа на человека. Настолько, насколько может походить на человека девица баскетбольного роста, с длинноносым лицом, вечными прыщиками на подбородке и жиденьким хвостом пегих волос.

Юля припудрила подбородок перед карманным зеркальцем, подхватила сумку и шагнула на крыльцо.

Там ее караулил Фаддейка.

– Я тебя до библиотеки провожу. Можно?

– Конечно! – обрадовалась она.

И Фаддейка стрельнул золотой искоркой из глаза.

Когда шли Береговой улицей к мосту, Юля спросила:

– А что, эта Нина Федосьевна очень строгая?

– Еще бы! А с теми, кто книжки портят, вообще ужас...

– Кажется, ее все здесь знают...

Фаддейка с удовольствием сказал:

– Здесь вообще каждый каждого знает. Это ведь не Москва. И не Среднекамск.

– Я смотрю, тебе здесь больше нравится, чем в Среднекамске...

– Как когда... Здесь интересно, старины много всякой. И ребята не деручие и не дразнящие.

Юля очень осторожно и ласково спросила:

– А что, Фаддейка, разве в школе тебя дразнят?

Он шевельнул плечами:

– Да вот еще! Откуда ты взяла?

– А я думала, что... ну, из-за волос.

Он удивился:

– Потому что рыжий? Да нисколько! За это в старые времена дразнили, а сейчас наоборот! Рыжий – даже модно! У нас в классе трое таких, как я... Не в этом дело.

– А в чем?

– Ну... да ты не думай, что у нас плохие ребята! Только у них всегда нет времени. Кто на музыку бежит, кто в олимпийскую секцию, кто еще куда... Получается, что людям просто некогда дружить.

– А здесь?

Фаддейка рассудительно сказал:

– Одноклассников-то не выбирают, а здесь играй, с кем нравится.

Юля хотела деликатно возразить: мол, и в Среднекамске не обязательно друзей только в классе искать. Но Фаддейка заговорил опять. Уже по-другому, весело:

– Тут знаешь какие придумывальщики есть! Мы на той неделе воздушный шар из бумаги сделали, с дымом. И он по правде полетел! Красный, как марсианский глобус.

– А разве бывают марсианские глобусы?

– Конечно... Юль, а хочешь, я короткую дорогу покажу, не через мост? Я брод знаю, глубина не больше, чем тебе до колена. Хочешь?

Юля зябко поежилась.

– Я... наверно, хочу, но не сейчас. Мне за прошлые сутки хватило приключений.

Нина Федосьева оказалась вовсе не строгой. Наоборот, была она очень милая и приветливая. Чем-то походила на Киру Сергеевну. Так похожи друг на друга бывают пожилые женщины, всю жизнь проработавшие в библиотеках, театрах или музеях.

Юле Нина Федосьева очень обрадовалась. Во-первых, по доброте душевной, во-вторых, потому что "видите ли, как получилось, Юленька, одна наша сотрудница вышла на пенсию и уехала к сыну, а вторая в декретном отпуске. И я кручусь, кручусь и ежедневно прихожу в отчаяние...".

Она мелко засмеялась, прижимая кончики пальцев к седым вискам. Юля тоже улыбнулась и подумала, что здесь ее то и дело называют Юленькой. Версту коломенскую...

– Только работа, Юленька, будет для вас, наверно, скучноватая: читателей сейчас мало, а дело такое: надо перебрать и сверить каталоги, переписать некоторые карточки абонемента. В них полный хаос.

Юля сказала, что работу она видела всякую, скучать не станет, а веселиться, если придет такое настроение, будет после рабочего дня. При этом почему-то вспомнила Фаддейку. И не откладывая взялась за дело.

Сначала она принялась разбирать по алфавиту читательские карточки, которые молодая работница абонемента (ныне пребывающая в декрете) действительно держала в "порядочном беспорядке". Неожиданно дело оказалось совсем не скучным. За каждым именем Юле представлялись живые мальчишки и девчонки: аккуратные отличницы, берущие книжки по программе; растрепанные троечники, которые читают в основном про шпионов и про космос; юные изобретатели те, что глотают, как "Трех мушкетеров", "Занимательную физику", "Теорию относительности для всех" и свежие номера "Техники молодежи", шумливых октябрят, спорящих из-за очереди на «Буратино» и "Волшебника Изумрудного города", озабоченных десятиклассников, которые перед экзаменами выпрашивают на лишний денек Белинского и Добролюбова...

Некоторые карточки были просто готовые портреты и характеры. Трудно разве представить, например, второклассника Николая Вертишеева, дважды бравшего "Приключения Незнайки", или Эллу Лебедушкину, читающую биографию Рахманинова из серии ЖЗЛ?

Могли, конечно, быть ошибки. Вертишеев мог оказаться тихим мальчонкой, который никогда не вертится на уроках, а Лебедушкина – неуклюжей девицей, не умеющей сыграть гаммы... Но вот попался портрет знакомый и точный! "Фаддей Сеткин"...

– Ой, Нина Федосьева! Это же Фаддейка, да? Племянник Киры Сергеевны?

Нина Федосьева охотно оторвалась от ящика с каталогом.

– Ну разумеется! Вы уже познакомились? Ах да, вполне понятно...

– Ох, познакомились, – сказала Юля. – Весьма даже...

Нина Федосьевна покивала и поулыбалась:

– А знаете ли, Юленька, он славный мальчик. Правда, слишком замурзанный и немного шумный...

(Юля уже поняла, что больше всего Нина Федосьевна боится шума, и это казалось непонятным у заведующей детской библиотекой; но зато других недостатков у Нины Федосьевны, кажется, больше вообще не было.)

Юля охотно согласилась с краткой Фаддейкиной характеристикой и заглянула в карточку.

Читательские интересы Фаддея Сеткина были крайне разнообразны. Если не сказать – беспорядочны. "Приключения Электроника" и "Оливер Твист", "Словарь юного астронома" и "Воспоминания о сынах полков", "Сказки народов Севера" и "В плену у японцев" капитана Головнина. А еще – «Казачьи» Толстого, "Малыш и Карлсон" и "Мифы Востока"...

– Ну и ну, – сказала Юля.

Нина Федосьевна опять покивала:

– Бессистемное чтение, но что поделаешь... И ходит нерегулярно. То глотает семь книжек за неделю, а то не показывается полмесяца. Но с книжками очень аккуратен! Новые даже обертывает... Правда, один раз мы с ним поссорились.

Юля вопросительно подняла глаза.

– Нет-нет, не из-за неряшества. Мы крупно поспорили из-за «Аэлиты». Вы же знаете, Юленька, детям эта книга всегда нравится, а наш милый товарищ Сеткин прочел и заявил категорически: "Чушь!..." Я даже очки уронила. "Как, – говорю, – ты можешь так об Алексее Николаевиче?..." А он знает что? "Если Алексей Николаевич, значит, врать можно?" – "Что значит, – возмутилась я, – врать? Это же фантастика! Писательское воображение! Ты же сам столько фантастики перечитал и всегда хвалил!" И что же отвечает мне этот юный ниспровергатель классиков? "Фантазировать надо тоже с умом! На Марсе все не так. "Марсианские хроники" Брэдбери и то лучше"... Я, конечно, и сама равнодушна к Брэдбери, это, безусловно, талант, но... В общем, я не выдержала и сказала, что таких критиков следует ставить носом в угол. И расстались мы сухо.

– А потом? – смеясь, спросила Юля.

– Он не появлялся неделю. А затем откуда-то узнал про мой день рождения и притащил целый сноп васильков. При этом был в новой рубашке и сиял, как начищенный колокольчик.

– Он и сегодня хотел прискакать, – вспомнила Юля. – Обещал в обед меня навестить.

Но Фаддейка пришел только в конце дня. Встрепан и помят он был больше обычного, к оранжевой майке прилипли золотистые чешуйки сосновой коры. Он сообщил, что тете Кире привезли дрова и пришлось их укладывать на дворе в поленницу.

– Таскал, таскал, чуть пуп не сорвал, – он стрельнул искристым глазом в сторону Нины Федосьевны.

– Фаддей... – страдальчески сказала она.

– Ой, простите, Нина Федосьевна! Я нелитературно выразился, да?

– Юля, может быть, хотя бы вы займетесь воспитанием этого гамена? – простонала Нина Федосьевна. Кира Сергеевна, видимо, уже отчаялась.

– Займусь, – пообещала Юля и показала Фаддейке кулак. Он потупил глазки, но тут же дурашливо сказал:

– Гамен – это парижский беспризорник? Вроде Гавроша? Значит, здесь у нас Париж, ура! Да здравствует баррикада на улице Шанврери!

– Не Шанврери, а Шанврери, – подцепила его Юля.

А Нина Федосьевна скептически произнесла:

- Можно подумать, ты читал "Отверженных"...
- Можно подумать, нет! – возмутился Фаддейка.
- Он читал детское издание про Гавроша, – снисходительно разъяснила Юля.
- Фиг тебе! Я все читал.
- Фаддей... – опять простонала Нина Федосьевна.
- А чего она... У нас дома десять томов Гюго, подписное издание.

Юля хмыкнула:

- И ты осилил?
- "Отверженных" осилил. И "Собор Парижской богородицы". Только маленько пропустил, всякие длинные описания. Нина Федосьевна, Юле уже можно домой? Она будет воспитывать меня по дороге.

Когда шли к дому, Юля сказала:

– И чего это утром ты наплел, что Нина Федосьевна строгая? Она добрейшая душа... На тетю Киру похожа.

– Ну и что же, что похожа? Тетя Кира тоже всякая бывает. Когда добрейшая, а когда ой-ей-ей.

– Ну, ты, наверно, и ангела небесного можешь до «ой-ей-ей» довести...

Фаддейка хихикнул:

– Не, я хороший... – И сказал серьезно: – В этом году у нас с тетей Кирой контакт. А в прошлом году мы еще по-всякому... Притирались друг к другу.

– Притиралась терка к луковице. Сплошные слезы...

– Ага... Мне от нее один раз тогда знаешь как влетело...

Фаддейка сказал это со странной мечтательной ноткой.

– За что?

– В том-то и дело, что ни за что... Я сижу, молоко пью, а она вдруг говорит: "А ну-ка дыхни". А потом: "Покажи-ка, голубчик, карманы". А там окурок и крошки табачные... Ой, что было!

– Всыпала небось? – пряча за усмешкой сочувствие, спросила Юля.

– Да не-е... На губу посадила.

– Куда?

– На гауптвахту. Говорит, выбирай: немедленно едешь домой или будешь сидеть до ночи под арестом. В сарае.

– И выбрал сарай?

– А что я, ненормальный домой ехать? Здесь вон как здорово, а там в лагерь отправят.

– Да еще и досталось бы от мамы за курение, – с пониманием заметила Юля.

Он вскинул возмущенные глаза:

– Да ты что? Думаешь, я по правде курил, что ли? Мы с ребятами мыльные пузыри с дымом пускали! Дым в рот наберем, пузырь надует, он и летит вверх. А потом лопается, как бомба...

– Все равно дым во рту – это гадость.

– Ну, пускай гадость. Но не курил же!

– А тете Кире ты это объяснил?

– Думаешь, она слушала? Как разошлась... Ну, я решил: пусть ее потом совесть мучает.

Целых три часа сидел, почти дотемна.

– Потом выпустила?

– Уже собиралась, да я раньше забарабанил.

– А чего? В темноте неудобно стало?

– Да при чем «неуютно»? Гауптвахта-то была ведь... без этого. Без удобств. Сколько выдержишь?

Юля засмеялась. Фаддейка весело посопел и сказал:

– Тут я ей все и объяснил. Она сперва, как ты, говорит: "Все равно это гадость!" А я ей доказал, что это научный эксперимент был, а люди из-за науки еще не такие гадости терпели. Она засмеялась: "Вот и пострадал за науку, как Галилей". А потом говорит: "Ладно, помиримся, не сердись на старую тетку..." А я и не сердился.

– А не обидно было невиноватому сидеть?

– Обидно немного. Зато интересно. Я до тех пор ни разу арестантом не был! А тут почти как по правде... Всякие мысли думаются, когда сидишь. Воспоминания всякие...

– Какие?

– Ну, разные! Про Буратино, как его Мальвина тоже ни за что в чулан посадила. Про Железную Маску... А то вдруг показалось, что я к врагам в плен попал и меня завтра расстрелять должны. Даже хотел подземный ход рыть, да тут кино началось...

– Что?! Ты с телевизором сидел?

Он засмеялся и замотал головой так, что рыжие космы разлетелись пламенными языками.

– Там свое кино получилось! Тайное... Вот придем, покажу.

Во дворе Фаддейка повел Юлю в угловой сарайчик. Там стоял верстак с тисками, лежали обрезки досок.

– Смотри, – прошептал Фаддейка и плотно прикрыл дверь.

Над верстаком, на стене, обитой довольно чистой фанерой, выступило яркое пятно. На нем ясно обозначились качающиеся ветки рябины с оранжево-красными гроздьями, край крыльца, забор, желтые облака над забором. Точнее – под забором, потому что все было перевернуто... Вниз головой сошла с крыльца маленькая тетя Кира в ярко-синей кофточке. Она, кажется, созывала кур.

– Как интересно! – восхитилась Юля.

Но не удивилась. Такой фокус ей был известен еще с уроков физики: маленькое отверстие может служить объективом, как увеличительное стекло, и давать четкое изображение. Темный сарайчик превратился как бы во внутренность громадной кинокамеры, а объективом была дырка от сучка – она светила в двери.

– И правда кино, – сказала Юля.

– Сейчас еще не очень интересно. А позже, когда закат, тут знаешь какие сказки получаются! Можно что хочешь увидеть, особенно когда облака горят... Все такое красное и золотистое, и будто... Ну, как на другой планете.

– Фаддейка, но ты же не любишь выдумки, – осторожно поддразнила Юля.

Он настороженно огрызнулся:

– Кто тебе сказал?

– Нина Федосеевна. Как ты разругал "Аэлилу".

– "Аэлита" – другое дело. Потому что все там не так. А тут наоборот, так.

Юля почуяла его ошетиненность и примирительно сказала:

– Хорошее кино. Только жаль, что вниз головой.

– Ничего не жаль, даже интереснее!.. А если надо, я могу и так! – Фаддейка вскочил на чурбак, подпрыгнул и повис на турнике – это была тонкая труба, вделанная между стенкой и столбом, подпирающим крышу.

Фаддейка покачался, роняя незашнурованные кеды, крутнулся, закинул ноги на трубу и повис вниз головой. Столб качнулся. Толчок передался всему сарайчику, дверь с тонким пением отошла, и в открывшемся свете перевернутый Фаддейка возник во всей красе. Красно-апельсиновые клочья волос разметались, как борода Барбароссы. Широкие губы расплзлись

улыбкой-полумесяцем. Майка съехала до подмышек. На уровне Юлиных глаз горели на тощем Фаддейкином животе свежие царапины – следы недавней возни с поленьями, и темнел аккуратный, как электрическая кнопка, пуп.

Юля засмеялась, хлопнула Фаддейку по пузу и сказала, что он свихнет шею.

– Не-а! Я могу так хоть сколько висеть. Хоть две серии настоящего кино...

Он закачался, устраиваясь поудобнее, как летучая мышь, которая отдыхает вниз головой. Из карманов посыпались пятаки, карандашики, мелкие гайки и стеклышки. Следом за ними на дощатом полу звякнула плоская медяшка. Фаддейка разогнул колени, мягко упал на руки и быстро накрыл ее ладонью.

Но Юля уже спросила:

– Ой, что это?

Фаддейка подумал немного, не подымаясь с корточек. Потом встал и протянул непонятную штучку Юле.

Это была бляшка из красноватой меди или бронзы. С неровно обрубленными краями, с коротким обрывком цепочки. Размером с очень крупную монету. Красиво и точно был отчеканен на металле вздыбившийся жеребец – каждый волосок можно разглядеть. Крошечный выпуклый глаз жеребца горел живой красной искоркой. Над конем разбрасывало колючие лучи маленькое солнце. По краю этой медали (или талисмана, или еще чего-то) шли непонятные значки. А может, буквы, только совсем незнакомые.

Обратная сторона медяшки была гладкая.

Юля подержала странную медаль на ладони – тяжелую и удивительно холодную, словно с зимней улицы принесли.

– Что это, Фаддейка?

Он сказал не очень охотно, однако без промедления:

– Это тарга.

– Что?

– Ну... такое старинное украшение одного племени.

– А откуда оно?

– Ну... тут ведь много всяких старых редкостей находят. Потому что исторические места. Юля покачала таргу на цепочке.

– Интересная вещь... Только не похожа на старинную.

– Почему? – спросил Фаддейка почти испуганно.

– Смотри, она совсем не потемневшая. Даже обычная, не старинная медь быстро темнеет, а эта будто только что из-под штампа.

Фаддейка взял таргу, тоже подержал на цепочке и сказал непонятно:

– Это особая бронза. Когда воздух очень редкий и холодный, она в нем будто заколдованная делается... И потом уже никогда не темнеет.

* * *

... В редком холодном воздухе медный сплав не темнел. Ветер и время изглодали, изрыли камни сигнальных арок и башен, которые там и тут поднимались над красными дюнами в лиловом небе, а колокола блестели на них, как новые. Маленькое, почти не греющее солнце отражалось в полированных боках колоколов колючими звездами.

Эти слепящие вспышки сердили коня. Он мотал головой, фыркал, рывками выдирал из песка увязающие копыта и выгибал длинную шею, оглядываясь на всадника. Но закутанный в плащ всадник был неподвижен. Он знал, что конь помнит дорогу и сам отыщет ее в песках.

Второй конь, без седока, был спокоен и шел позади, не натягивая поводя. Это был длинногривый смирный конек из породы низкорослых песчаных лошадок.

Скоро подковы стукнули по разломанным полузасыпанным плитам – лошади ступили на остатки древнего тракта, когда-то тянувшегося по границе пустыни и леса. Лес давно отступил к северу, кругом лежали только вылизанные ветром плоские красные холмы. Ветер, постоянный и бесконечный, прижимал к холмам черные стебли стрелоцвета и нес тонкую песчаную пыль. Этот невидимый песок еле слышно звенел вокруг колоколов, начищая их и без того сверкающие бока...

Безлюдье оказалось обманчивым. Из-за ближнего холма метнулись к дороге три всадника. Встали на пути. Тот, что был впереди, поднял над кожаным шлемом руку в боевой перчатке. Громко сказал:

– Кто ты? Остановись и ответь!

Но одинокий всадник не задержал коня. Он подъехал к начальнику патруля вплотную и лишь тогда поднял медный козырек глухого шлема.

– Простите меня, Фа-Тамир, – вполголоса проговорил начальник. – Я не узнал. Как я мог думать, что вы здесь...

– Это ты, Дах? Здравствуй, старый дружище... Сколько же мы не виделись?

Дах наклонил украшенный командирской цепочкой шлем.

– Одному Владыке времени ведомо сколько... По-моему, с похода через Черные Лыды...

С тех пор вы стали знамениты.

– Ты по-прежнему начальник сторожевой сотни, Дах?

– По-прежнему, Фа-Тамир.

– Зря ты не поехал тогда со мной в королевский стан.

– Я не жалею, Фа-Тамир. У каждого свой путь по Кругу времени. И моя судьба легче вашей...

– Наверно, ты прав, Дах! Но разве мы искали легкой судьбы!

– Не искали, Фа-Тамир. Судьба решает сама.

– Ты думаешь? – Фа-Тамир внимательно глянул в лицо давнего товарища по боям и походам. Это было лицо старого бойца – коричневое, с похожими на шрамы морщинами и черными точками въевшихся песчинок. Ветер шевелил седую бороду. Широкие глаза с пожелтевшей, не боящейся песка роговицей смотрели устало и спокойно.

"Мы все такие, – подумал Фа-Тамир. – Мы все устали..."

– Как служба? Спокойно ли вокруг?

– Пустынный край, Фа-Тамир. За сорок дней вы первый на этой дороге... Можно ли спросить, куда ваш путь?

– Наклонись.

Дах нагнулся в седле и снял шлем. Фа-Тамир сказал ему тихо несколько фраз.

– Вот как... – Дах удивленно шевельнул рыжими бровями. Но разве не могли послать гонцом простого воина?

– Рядового гонца к сету? Что ты, Дах! Король не нарушит обычая... Да и откуда простому воину знать этот путь?

– Вы правы... Король мудр, и мудрость его велика так же, как загадки Круга времени... – Дах не договорил, и в наступившем молчании Фа-Тамир уловил вопрос. Он оглянулся. Двое всадников почтительно держались поодаль.

– Говори, Дах, что думаешь. Мы давно знаем друг друга.

– Простите, Фа-Тамир, не мне судить о решениях повелителя иттов... Но почему он дал титул сета безродному найденышу? Ведь сету равны воинам с королевской кровью.

– В нас одна кровь, Дах... А мальчик оказался храбр, ему сразу покорился самый огненный конь... К тому же мальчик знал то, чего не знали итты. Он сказал, что ветер – вечный враг наш – может стать помощником. Научил натянуть над колесницами похожие на крылья шкуры и ткани, и колесницы сами побежали по пескам...

– Разве у иттов нет лошадей?

– Лошадям нужен корм, а его все меньше среди песков, ты знаешь это сам. Ветер же неутомим и не требует ничего... А еще мальчик рассказал, как разжигать огонь с помощью льда.

– Не может быть!.. О, простите, Фа-Тамир.

– Он научил нас вырубать из ледяных глыб ровные круги с выпуклыми, как щиты тауринов, поверхностями. Эти поверхности женщины заглаживали мягкой кожей и теплыми ладонями до блеска. И поверь мне, Дах, я видел это сам – такой прозрачный круг собирает лучи солнца в жгучую точку, и она зажигает сухую траву...

– Это немыслимо, Фа-Тамир...

– Но это так. Теперь наши мастера научились делать такие круги из ясных горных кристаллов и отливать из расплавленного песка. У этих нетающих льдинок есть еще одно непостижимое свойство. Когда смотришь сквозь них на мелкий предмет, он видится во много раз крупнее. Благодаря этому чуду наши собиратели знаний открыли множество тайн, которые раньше были скрыты от человеческого взгляда.

– Откуда такая мудрость в ребенке?

– Здесь много непонятного, Дах... Когда мальчик ушел, король долго печалился. А теперь... – Фа-Тамир снова склонился к начальнику патруля. Услышав тихие слова, Дах долго молчал.

– Печальная весть, – наконец сказал он.

– Да. И потому я спешу. Спокойной стражи, Дах.

– Прощайте, маршал. Счастливого пути по Кругу...

* * *

...Фаддейка опустил таргу в карман. Он пятерней причесал вихры, заправил майку, натянул кеды. На Юлю не смотрел. Было заметно, что ему больше не хочется говорить о тарге. А Юле хотелось расспросить подробнее. Но она взглянула на часики и спохватилась: уже начало седьмого, а почта закрывается в семь.

Письма для нее на почте (конечно же!) не было. Просто свинство какое-то! По всем срокам ему полагалось прийти. Юрка должен был вернуться из плавания в середине июля и обещал написать немедленно. Ну ладно, знаем мы эти «немедленно»! Три дня на раскачку. Пускай еще задержка какая-то. Но все равно пора...

Вернулась Юля в унынии, за ужином была хмурая. Фаддейка куда-то умчался, и Юля была даже рада: не хотелось разговаривать.

Но когда она пришла к себе, легла не раздеваясь и начала грустно размышлять, что же с Юркой и с письмом, а Фаддейка возник в окошке, она обрадовалась. Потому что письмо, наверно, завтра придет, и сидеть одной весь вечер в тоске и печали – это уж чересчур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.